ВОЕННАЯ ПРОЗА

Хроники блокадного города

Х. Ахмад-заде

Военная проза

Хабиб Ахмад-заде

Хроники блокадного города

«Садра»

2015

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)

Ахмад-заде Х.

Хроники блокадного города / Х. Ахмад-заде — «Садра», 2015 — (Военная проза)

ISBN 978-5-907041-14-1

Эта книга выходит в серии, рассказывающей об Ирано-иракской войне 1980-88 гг. Она посвящена фронтовым будням Абадана – города, который можно назвать иранским Ленинградом. Расположенный на берегу пограничной с Ираком реки Арванд (Шатт эль-Араб), этот город имел важнейшее стратегическое значение, и его захват мог бы стать залогом победы саддамовских сил над молодой Исламской Республикой. Иракцы замкнули кольцо блокады вокруг Абадана, но так и не смогли преодолеть героическое сопротивление его защитников. Об огненных буднях небольшого города, ставшего великим символом героической борьбы народа Ирана за свою свободу и независимость, рассказывает сборник рассказов известного иранского писателя Хабиба Ахмад-заде, прошедшего восемь лет войны от первого до последнего дня. Для широкого круга читателей.

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)

ISBN 978-5-907041-14-1

© Ахмад-заде Х., 2015
© Садра, 2015

Содержание

От издательства 6
Хроники блокадного города 7
Орлиное перо 9
Самолет 16
Зонт для кинорежиссера 21
Тридцать девять плюс один 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Хабиб Ахмад-заде
Хроники блокадного города

© ООО «Садра», 2019

От издательства

Что такое блокада? Это изоляция. Изоляция от внешних связей. Приём военного искусства, многократно доказавший свою эффективность. Это возможность истощить противника и принудить его к сдаче, сократив собственные потери до минимума. Блокада может быть не только военной, но и экономической, политической. Экономические санкции, в условиях которых живут сейчас и Россия, и Иран, – тоже форма блокады.

Именно международная экономическая и политическая блокада, в которую Иран попал после Исламской революции (1979 г.), создала условия для нападения вооружённых сил Ирака на ИРИ в 1980 г. В условиях этой большой международной блокады, когда Иран боролся за свою независимость, произошла малая блокада города Абадан, которой посвящена эта книга. Абадан воспринимался командованием Ирака как ключ к нефтеносному району Хузестан, контроль над которым позволил бы подорвать экономику Ирана и получить доступ к дополнительным источникам углеводородов. В этом же городе находился крупнейший на тот момент на Ближнем Востоке нефтеперерабатывающий завод; кроме того, там расположен речной порт, обеспечивавший коридор для транспортировки нефти к Персидскому заливу. Всё это делало Саддама Хусейна. Однако, несмотря на его стремление как можно скорее овладеть этим городом, несмотря на всю международную поддержку, у Ирака не хватило сил, чтобы сломить сопротивление иранцев, и камнем преткновения для саддамовских сил стал небольшой приграничный город Абадан.

Но если в прямом боестолкновении двух армий в основном гибнут солдаты – люди, для которых война является, так или иначе, результатом их осознанного выбора, то в условиях блокады страдает в первую очередь мирное население. Известно колоссальное количество примеров невероятного мужества людей, переживших блокаду Ленинграда, и блокада Абадана также стала проверкой мужества, силы воли и самоотречения не только военных, но и мирных жителей.

Книга, которую вы держите в руках, – калейдоскоп зарисовок боевых будней осаждённого, но непобеждённого города. Особое внимание к внутреннему миру персонажа и преклонение перед мужеством простого, маленького человека в самых бедственных обстоятельствах роднит повести Хабиба Ахмад-заде с творчеством Эрнеста Хемингуэя. Появление у Ахмад-заде образа старика, несмотря ни на что, идущего к своей цели, в этой связи совершенно неслучайно. Этот образ известен всему миру благодаря повести Хемингуэя «Старик и море», и он вновь оживает на страницах рассказа Ахмад-заде «Если бы не Дарья-Голи»…

Хроники блокадного города

Фото Т. Ханиной

Вот взмыл орел с высоких скал. Он, по обычаю орла,
Добычу свежую искал, раскрыв два царственных крыла.
Он хвастал крыльев прямизной, их необъятной
шириной:
«Весь мир под крыльями держу. Кто потягается со мной?
Ну, кто в полете так высок? Пускай поднимется сюда!
Кто? – ястреб, или голубок, или стервятник? Никогда!
Поднявшись, вижу волосок на дне морском: так взгляд
остер.
Дрожь крыльев мухи над кустом мой зоркий различает
взор».
Так хвастал, рока не боясь, – и что же вышло из того?
Стрелок, в засаде притаясь, из лука целился в него.
Прошла под крыльями стрела – так было роком
суждено, -
И мигом сбросила орла с высоких облаков на дно.

Упав, орел затрепетал, как рыба на сухом песке,
Он участь рыбы испытал, и огляделся он в тоске.
И удивился: до чего железка с палочкой просты, -
Однако сбросили его с недостижимой высоты.
И понял, почему стрела, догнав, унизила орла:
Его же собственным пером она оперена была[1].

[1] Насир Хосров (1004–1088). Перевод А.Е. Адалис *(здесь и далее – примечания переводчика).*

Орлиное перо

Я вижу, как ты выходишь из машины. Останавливаю подзорную трубу и пристально смотрю через нее и без нее на твое лицо… вижу, как ты машешь рукой водителю. Он поехал дальше… а ты остаешься на перекрестке, за пальмовой рощей на том берегу реки. Сейчас ты в раздумьях: какой дорогой тебе идти? Остаться на главной дороге и дождаться следующей машины или… пойти тем путем, который лучше для меня? Решай же скорее. От твоего решения зависит исход всех моих сегодняшних стараний. Издалека не видно, но ты что-то взваливаешь себе на спину и пускаешься в путь.

Я чрезвычайно рад твоему решению. Благодаря тебе мне не придется задерживаться здесь надолго. и сейчас ты продолжаешь идти по асфальтированной дороге, которая приведет тебя к вашей передовой. Ты продолжай идти, а я тем временем буду ждать тебя на этом берегу реки, оставаясь на вершине своего наблюдательного пункта. Вряд ли мне придется ждать более двадцати пяти минут, к тому же самый волнующий момент будет длиться последние семнадцать секунд, поэтому мы можем по крайней мере в течение этих двадцати пяти минут поговорить начистоту. Хотя ты никогда не услышишь моих речей, быть может, спустя те семнадцать секунд они достигнут твоего слуха. Спросишь, как? Откуда мне знать! Во всяком случае, я так думаю, стоя на этом берегу реки осажденного города… и ты сейчас не знаешь, что я здесь веду на тебя охоту… и из этого темного убежища, окруженного пустыней, пальмами и лентами шоссе, я вижу тебя на том берегу… и тщательным образом, при каждом твоем шаге с помощью рычага своей подзорной трубы я навожу на тебя объектив, чтобы хорошенько запомнить. Действительно, я здесь веду на тебя охоту, и снаряд в стволе миномета ждет не дождется приказа, невидимые волны которого в нужный момент разольет в воздухе моя рация. Его уловят даже ваши рации, а потом эти волны пройдут через изгибы твоего тела. К счастью, ты не сможешь их засечь и понять. Затем ответ по другой рации… после этого выстрел… и пройдет семнадцать секунд, пока минометный снаряд разорвет пространство, взмоет в воздух и, подобно хищной птице, завидевшей в воде рыбу, ударит прямо по этой дороге… а потом… потом на этом месте вокруг твоего тела будут летать тысячи чугунных осколков. Однако… сейчас до того места на дороге, которое, возможно, станет местом твоей гибели, пролегло расстояние, которое можно пройти за двадцать три минуты. Хотя точное время все-таки зависит от быстроты твоих шагов. Если ты будешь идти медленно, то к двадцати трем минутам, оставшимся от твоей жизни, прибавится еще несколько секунд… а если пойдешь быстро, то, соответственно, убавится… Но сейчас ты продолжаешь идти. Хочешь, я скажу точно, сколько тебе осталось пройти до того момента, когда произойдет взрыв дожидающегося тебя снаряда?

Достаточно будет отметить взглядом твое местонахождение и нажать хронометр… Однако лучше не терять времени. Быть может, благодаря этому снаряду наша мимолетная дружба станет вечной. Знаешь, какой главный вопрос я задаю каждый день, находясь на высоте своего наблюдательного пункта, после того, как выбираю кого-то вроде тебя в качестве своей жертвы? Я спрашиваю себя: «Интересно, откуда ты родом? Из Ханакина[2], Багдада, Киркука или Басры?..» Дело в том, что к Басре я отношусь по-особенному. Возможно, я потом объясню тебе причину этого… А пока мне бы хотелось знать, чем будут заниматься твои родители. в тот момент, когда обещанный снаряд ударится о землю? Печет ли твоя мать хлеб в одном из тех глиняных деревенских домов на месопотамской окраине? А твой отец… каким ремеслом занимается твой отец? И о чем он будет думать в этот самый момент? И могут ли они хотя бы на мгновение представить себе, что я выслеживаю тебя, чтобы меньше чем через девятнадцать минут погубить их сына? И если бы возникла та неведомая связь между матерью и ребенком,

[2] Ханакин – город в Ираке, в провинции Дияла.

какими бы проклятьями меня осыпала твоя мать? Однако я уже давно принял решение; еще в то время, когда этот город был окружен вами. Хочешь узнать, откуда я родом? Далеко ходить не надо. Наверное, это место в километре отсюда, на берегу той самой приграничной реки, в сотне метров от границы… Да, и если бы я родился всего лишь в семистах метрах западнее[3], сейчас я был бы одним из вас, имея огромное военное преимущество и располагая бескрайним резервом боеприпасов для уничтожения городов гораздо больших размеров, чем наш… И не обращал бы внимания на стенания и плач женщин и детей, живущих в этом городе. И был бы опьянен своей силой. Круглые сутки я бы сжигал города, но сейчас я рад… рад тому, что родился всего лишь в семистах метрах восточнее, и я воюю по многим причинам. Моя мать… хочешь узнать, чем сейчас занимается моя мать? Как и всегда, она сейчас читает молитву… молясь обо мне… моем брате, своих братьях – и всех тех, кто сейчас воюет на этом берегу реки. А что делает твоя мать? Она тоже молится за твое спасение? Любая молитва, которую она прочтет или уже прочла, ближайшие пятнадцать минут не будет иметь никакого действия…

А ты продолжаешь идти… Быть может, ты сейчас думаешь о том, как бы скорее дойти до вашей передовой и снова ночью обстреливать наш город из пулеметов или другого вида оружия. Но когда ты кладешь палец на спусковой крючок и приклад пулемета дрожит на твоем плече, чувствуешь ли ты свою силу? И не приводит ли тебя в восторг грохот еще более мощных взрывов от разрывающихся мин, стреляющей артиллерии и падающих ракет, когда они бьют по нашему берегу реки?.. Ты вскакиваешь с места, впустую потрясаешь кулаком… но я в назначенный срок буду действовать хладнокровно и не стану радоваться неминуемому взрыву… А пока ты идешь к назначенному месту… У тебя есть еще четырнадцать минут до того, как я нажму кнопку рации и выдохну заветные слова. Тогда трос миномета дернется, и снаряд полетит тебе навстречу. Ты можешь вспомнить залпы всех тех артиллерийских установок и минометов, из которых вы каждый день палите по нашему городу и уничтожаете всё и всех, кто окажется мишенью вашей артиллерии? Неужели нет более простой задачи, чем уничтожение целого города? Так продолжай идти… В день я могу израсходовать только три снаряда, и сегодня, как и в любой другой день, свой первый я уже использовал. Хочешь узнать, на что? Что же ты остановился? Ага, положил рюкзак на землю. Так ты устал! Что же такое лежит у тебя в рюкзаке, что ты так притомился? Одежда? Или, может быть, гостинцы для твоих товарищей, что ждут тебя в окопах? Наверное, это сладости, которые приготовила твоя мать. Хотел бы ты узнать, что бы взял с собой я, будь у меня возможность выбраться из этого блокадного города? Моими гостинцами были бы минометные снаряды. Ты устал? Садись! Плюс или минус несколько минут – для меня нет никакой разницы, только ты обязательно иди своим путем. Свой первый снаряд я недавно выпустил по середине этой дороги, и второй уже готов приземлиться там же. Через несколько минут ты дойдешь до того места и увидишь на земле черную копоть от взрыва первого снаряда. Тогда, как и твои прежние товарищи, ты замедлишь шаг… изумленно уставишься на воронку, оставшуюся от взрыва… не предполагая, что второй снаряд уже летит в воздухе… А у меня останется без ответа всё тот же вопрос… почему при виде места взрыва первого снаряда вас не охватывает страх и вы не пытаетесь бежать оттуда? Быть может, каждый из вас думает, мол, снаряд уже разорвался и как же мне повезло, что я не оказался здесь в тот момент, и поэтому вы успокаиваетесь, как вдруг вас с грохотом накрывает второй снаряд. Почему же ты все еще сидишь? Хочешь узнать еще кое-что? Если подойдешь к воронке от первого снаряда, приглядись внимательнее! Что ты видишь? Вот именно, это один из ваших снарядов. Шевели мозгами… ведь мы не захватили их у вас как военный трофей. Посмотри еще внимательнее! Это один из десятков снарядов, которые вы сбросили на наши головы, и некоторые из них не взорвались. Достаточно было вытащить их из земли, поставить детонатор на предохранитель и перезарядить снаряд на гильзу пятидесятого калибра… а потом… полу-

[3] То есть на территории Ирака, граничащего с Ираном на западе.

чать таким образом каждый день по три снаряда. Так что три снаряда, которые еще вчера были вашими, сегодня оказались в наших руках. Кстати, в качестве герба на вашем флаге изображен орел! Быть может, это как раз тот самый орел, который когда-то думал, что ему покорны все города и страны. Однако у нас, на этом берегу реки, имеется одна известная притча об орле, который пал, сраженный остроконечной стрелой… Рассказывают, когда он пригляделся внимательнее, то увидел, что стрела была увенчана его собственным пером…

И понял, почему стрела, догнав, унизила орла:
Его же собственным пером она оперена была.

Что же ты делаешь? Неужели тебе не приятны последние минуты твоей жизни? Ты взвалил на спину рюкзак и продолжаешь идти… Да, ты пройдешь этот путь, а я, как вчера и все предыдущие дни, буду ждать, когда ты дойдешь до точки отсчета последних семнадцати секунд. семнадцати секунд, оставшихся до твоей смерти… и семнадцати секунд с момента вылета снаряда из ствола миномета до попадания его в цель… Поэтому мне опять придется подсчитать, сколько шагов ты успеешь сделать за эти семнадцать секунд… За семнадцать секунд до того, как ты дойдешь до места взрыва, я нажму кнопку рации, и через семнадцать секунд ваши траектории пересекутся. Мои глаза, подзорная труба, ты сам, семнадцать секунд, взрыв снаряда. И тысячи мельчайших чугунных осколков летают вокруг твоего тела и прошивают его насквозь. Эта сцена должна повторяться раз в несколько дней, чтобы и вы не знали покоя на той стороне реки и осознавали, что всякий раз, когда вы уходите в увольнительную или возвращаетесь обратно, вас может неожиданно настичь смерть. И для вас погибнуть таким образом будет гораздо обиднее, нежели расстаться с жизнью на линии фронта. Эта опасность ждет вас на дороге, от надежности которой зависят все ваши надежды на возвращение к семье и мирной жизни… Только три снаряда в день заставят вас чувствовать опасность… И тогда вам не останется ничего другого, кроме как бежать по этой дороге. Она тянется на три с половиной километра. Даже когда никого из нас нет на наблюдательном пункте, вам придется дрожать от страха. от страха перед тем, что кто-то поджидает случая нажать кнопку рации… Да, всего лишь три снаряда… а не тысячи, как у вас… Да, мы решили перенести этот страх и трепет со своего берега реки на ваш. А ты все еще идешь, смотришь на небо, и, возможно, тебе все это нравится! Какой ласкающий, прохладный ветерок! Будь я на твоем месте, единственное, о чем бы я попросил Бога, – усилить порыв ветра, чтобы снаряд, перед тем как удариться о землю, немного изменил траекторию и упал бы чуть дальше от меня. или чтобы у снаряда не сработал пусковой детонатор, и он не смог бы вылететь из ствола. До точки отсчета последних семнадцати секунд осталось еще десять минут. Наверное, вы думаете: сколько же еще вас будут так подстерегать на дорогах? Когда убьют еще десять, двадцать или сорок человек, вы начнете ходить другими маршрутами. Действительно, это хороший вопрос, и у тебя есть полное право его задать, а у меня – право на него не отвечать. Сегодня твоя очередь стать жертвой определенной тактики. Точно так же могло случиться, чтобы настал черед кого-то другого из вас, проходившего по этой дороге на несколько минут раньше, и, возможно, тебе тогда довелось бы увидеть его кровь на земле. Однако сегодня все сложилось так, что именно с тобой мне суждено вести эту беседу. Так мне ответить на твой вопрос? У тебя есть право знать! Если в будущем эта тактика окажется неэффективной, тогда мы придумаем что-нибудь другое. Но сейчас она отлажена, как часы. Знаешь, в чем она заключается? Ты иди своим путем и только слушай. Я назвал ее мышеловкой. По обочине этой и других дорог, ведущих в тыл, проложен ваш телефонный кабель. Достаточно, чтобы первый снаряд упал не на дорогу, а на те самые провода… тогда связь будет нарушена… и придется явиться бедному связисту, чтобы соединить разорванный кабель… именно на место взрыва… В таком случае уже не придется ждать

и семнадцати секунд… так что второй снаряд. Интересно то, что я с этого расстояния никогда не видел самих проводов и догадался о них только по появлению ваших связистов.

С учетом дополнительного времени, которое ты потратил на отдых, у нас есть еще восемь минут. Интересная завязалась дружба, не так ли?

Знаешь, сколько сейчас людей сидят рядом с орудием, ожидая услышать мой голос по рации? Пять человек… пять минометчиков… Хочешь познакомиться с ними? Твое право. Один из них – Мехди, у которого еще до войны умер отец. Его мать работала прачкой в больнице… пока один из той тысячи снарядов не упал на ее прачечную. Хочешь узнать, сколько потребуется дней, чтобы дочиста отстирать все те простыни, залитые кровью? Другой – Хосейн, которому всего лишь тринадцать лет, а он каждый день чистит дуло миномета. Ты можешь понять, как это тяжело – собственными руками хоронить свою младшую сестренку? Да еще когда ее разорвало в клочья? С тебя довольно или рассказать еще? Тысячи снарядов летают над городом, чтобы уничтожить горстку гражданских, тогда как у нас в распоряжении всего три снаряда в день. Когда сегодня мы закончим свое дело, каждый из нас безо всяких угрызений совести спокойно пообедает и после небольшого отдыха опять отправится на поиски ваших неразорвавшихся снарядов, чтобы и к следующим дням подготовить по три боеприпаса. На самом деле, чтобы деморализовать вас, нам даже не нужны боевые снаряды. Достаточно всего лишь регулярно действовать так же, как и последние два месяца, и стравливать один ваш батальон с другим. Да, я говорю о том самом батальоне, который отвели в тыл, заменив его на ваш. Никто из вас не знает, в чем заключается секрет тех самых листовок[4]. Лозунгов, которые приводят в бешенство командование вашего третьего корпуса. Однако в эти последние минуты между нами не должно оставаться никаких секретов. Через несколько дней придет черед и вашего батальона. Я говорю об одном из этих агитснарядов, начиненных листовками с лозунгами… Внешне они очень простые и сопровождаются охранной грамотой… охранной грамотой с фотографией имама[5]… того самого, кого вы так боитесь. Да, вы тоже каждый день сбрасываете на наши дома тысячи листовок, в которых пишете, что город в блокаде. предлагаете нам сдаться… Однако вплоть до сегодняшнего дня ни одна из этих листовок не принесла вам никакой пользы, в то время как наши заставляют вас дрожать от страха. А если добавить к ним еще и снаряды… Вы никогда не понимали, в какой вы оказались ловушке! Тебя не было в предыдущем батальоне, однако твои товарищи в нынешнем через несколько месяцев увидят, как в небе разорвется снаряд и на их головы полетят листовки с нашими лозунгами. и на каждой из них будет фотография имама Хомейни в качестве охранной грамоты. Фактически военной операцией наших сил будет считаться прием беженцев с вашей стороны… в то время как командующий вашим батальоном, как и его предшественник, отдаст приказ собрать листовки с этими лозунгами и особенные охранные грамоты. Поэтому в вашей армии отсутствие их будет считаться серьезным преступлением, учитывая то, что у вас применяются коллективные наказания. Обрати внимание, что командир твоего батальона получит декреты без охранной грамоты! Что же ему делать? Кто их забрал? Наверное, и в самом деле кто-то подобрал некоторое их количество! Ваш батальон будут заставлять отыскивать эти потерянные охранные грамоты. Если в Багдаде узнают, что в батальоне произошло такое… командир получит взыскание… начнутся коллективные наказания… и, возможно, даже начнут обвинять друг друга в том, что солдаты начали дезертировать, спасаясь от наказаний. Возникнут подозрения… и в конце концов перестанут доверять всему батальону, полагая, что некоторые солдаты спрятали у себя эти охранные грамоты с изображением имама. А недоверие в военное время означает

[4] Имеются в виду листовки с лозунгами лидера Исламской революции в Иране имама Хомейни.

[5] В период Ирано-иракской войны перед сдачей в плен иракские солдаты не поднимали белый флаг, а прикалывали к груди или держали в руках изображения лидера Исламской революции в Иране имама Хомейни, что символизировало их признание преимущества властей Исламской Республики Иран и готовность сдаться на милость победителя. Такие изображения получили у иранцев название «охранных грамот».

бессонные ночи из-за страха предательства и предчувствия скорой беды. А хочешь узнать, как все обстоит на самом деле? Быть может, никто из ваших солдат и не брал этих охранных грамот, потому как мы с самого начала подбросили эти листовки без фотографий имама. Видишь, что нам приходится выдумывать в блокадном городе? О иракский орел! Почему же ты гибнешь от собственного пера? Мы нигде не учились воевать и вынуждены заниматься этим только последние несколько месяцев. Если бы не война, то сейчас мы сидели бы на занятиях в этом самом городе и учили уроки. Прямо сейчас какой урок у нас мог быть..? Наверное, математика. А вместо этого я сейчас занимаюсь подсчетом трех минут оставшегося времени твоей жизни. Сейчас тот самый момент, когда мне надо дать команду боевой готовности пяти своим однополчанам, ожидающим внизу. Они должны быть готовы и крепко взять в руку трос до начала отсчета семнадцати секунд. Итак, они уже готовы. Все против тебя. Знаешь, о чем я всегда думаю в эти моменты? О том, что, возможно, ты и те, кто были до тебя и будут после, родом из Басры. У меня там есть один знакомый человек, вернее сказать, был… Знакомый человек, которого я никогда не видел. Это моя тетка… она много лет назад вышла замуж за одного местного… Мне всегда хотелось знать, если ты из Басры, знаешь ли ты ее детей или ее саму? Говорят, она родила двоих сыновей, которые на несколько лет старше меня. Иногда я думаю, что, может быть, в эту секунду я прицеливаюсь в одного из своих двоюродных братьев. Сейчас осталось всего лишь пять шагов до точки начала отсчета семнадцати секунд. Четыре шага, три, два, один.

Семнадцать секунд

Я нажал кнопку рации. Трос дернули, и твоя гильотина пришла в движение. Сейчас снаряд, который долгие годы лежал куском руды. был поднят на поверхность, превращен в металл и переплавлен. принял форму чугуна и стали и наполнился взрывчатыми веществами. а потом был привезен на корабле, проплыв огромное расстояние по океану… этот снаряд уже летит, чтобы оборвать твою жизнь. Этот снаряд дважды получал приказ исполнить смертный приговор: первый – когда вы обстреливали наш город, а второй – сейчас, когда уже мы ведем огонь по тебе. Получай назад свое перо, иракский орел!

Шестнадцать секунд

С этого момента снаряд уже взмыл в небо и больше никому не повинуется, даже мне. У дружбы всегда мало времени. Возможно, и ты бы сейчас где-нибудь занимался учебой… и, наверное, я, будь на то моя воля, всего лишь взял бы тебя в плен, чтобы после войны ты спокойно вернулся к своей семье. Однако ничего уже не изменить, ведь ты на том берегу реки, а я на этом.

Пятнадцать секунд

У тебя есть один шанс. Дело в том, что на тринадцатой секунде до тебя должен долететь грохот выстрела из миномета и вой выпущенного из него снаряда. Если только на одно мгновение, лишь одно мгновение ты прислушаешься. и на секунду остановишься, присядешь на землю… чтобы определить, куда летит снаряд… тогда, возможно, ты спасешься от взрыва. Так готовься воспользоваться этим случаем!

Четырнадцать секунд

Если бы я был на твоем месте и знал, что меня ждет, в эти последние мгновения я попросил бы Бога о прощении… за всё и за всех. Возможно, Аллах… по крайней мере, тебе после смерти уже не понадобятся никакие наставления.

Тринадцать секунд

Гул выстрела долетел до твоего слуха… а ты продолжаешь уверенно идти вперед. Этот звук не привлек твоего внимания. О чем же ты думаешь? Опять-таки, у тебя остался один шанс… последний шанс… Только если в эти последние мгновения подует ветер, но я молюсь о том, чтобы он вообще никогда не дул.

Двенадцать секунд

С полным откровением должен сказать, что после твоей гибели я спущусь вниз и обо всем забуду. Надев эту военную форму, ты подписал свое согласие на то, чтобы убивать и быть убитым самому.

Одиннадцать секунд

Не думай ни о чем, кроме дуновения ветра… А я думаю о своих трех снарядах. и о том, что один из них я уже использовал… второй запущен… а что же с третьим?

Десять секунд

Счет последних мгновений твоей жизни пошел на единицы. Друг мой, твоя смерть уже в пути.

Девять секунд

Снаряд уже летит в воздухе. Ты тоже продолжаешь свой путь, а я смотрю в подзорную трубу на то место, где должен произойти взрыв. Это похоже на слияние, единственный участник которого – человек на том берегу реки.

Восемь секунд

Видишь?! Нет ни малейшего ветерка, чтобы снаряд отклонился от курса, и пусковая система, несмотря на то, что сделана вручную, отлично справилась со своей задачей, вытолкнув снаряд из ствола. Сейчас тебе поможет только чудо… Быть может, молитва твоей матери.

Семь секунд

Через сколько дней до твоей семьи дойдет весть о том, что ты погиб на войне? Через два дня или через пять? Чем в этот момент будет занят твой отец? Что касается меня, то не пройдет и суток. Там, внизу, самым первым об этом узнает мой брат.

Еще шесть секунд

Время летит. Всякий раз, когда кто-нибудь из ваших солдат идет от перекрестка к реке, я говорю себе: вот появился еще один враг нашего берега.

Еще пять секунд

Быть может, ты спросишь: «Если я бы оказался твоим двоюродным братом, ты бы всё равно нажал кнопку рации?» Да, нажал бы и ждал еще четыре секунды. Через четыре секунды ты дойдешь до места падения снаряда, и тогда он накроет тебя.

Еще четыре секунды

Ты видишь реку в последний раз. Это река Арванд, которую на своем языке вы называете Шатт-эль-Араб. В любом случае, для тебя это уже будет неважно. Что бы ни произошло, как только ее пресные воды вольются в море, они станут солеными. Так было раньше, происходит сейчас и будет впредь. Ты понимаешь, насколько глупо было начинать уничтожение людей в нашем городе? Это подобно мечте обратить вспять речные потоки, которые извечно подчинялись одной лишь природе.

Еще две секунды

Ты все еще не слышишь, что я тебе говорю, и продолжаешь идти к месту взрыва. В следующую секунду ты услышишь свист снаряда, но у тебя будет лишь доля секунды, чтобы лечь на землю, так что будь готов воспользоваться своим последним шансом спасти жизнь.

Одна секунда

Вот последняя секунда нашей дружбы. О чем ты думаешь в это последнее мгновение своей жизни? О своей невесте, которая простилась с тобой в самый последний момент? О своей матери? О прохладном воздухе? Ничего не поделаешь! Мой взгляд прикован к месту взрыва, ты оказался в фокусе подзорной трубы, и в эту долю секунды раздался свист снаряда… и… Вот все и кончено. Взрыв произошел именно там, где нужно, все заволокло дымом, и ты скрылся в облаке пыли. Я жду, когда рассеется пыль. Последующие мгновения для меня не будут играть никакой роли, однако для тебя, если ты не погибнешь сразу, если окажешься раненым. они станут решающими… Каждую секунду твоя кровь будет литься все сильнее… Я знаю, о чем ты думаешь именно в эту минуту… О том, чтобы твои товарищи помогли тебе. Однако если

всё кончено и твой дух устремился ввысь, то ты уже узнал обо всем. Обо всем, что я говорил… А сейчас твои товарищи уже на перекрестке. Так будут ли они спешить к тебе на помощь или издалека станут смотреть на то, как ты истекаешь кровью и постепенно отдаешь Богу душу? Я бы тоже хотел поспешить тебе на помощь… Пойми меня правильно. Я хотел бы этого не ради твоего спасения… Дело в том, что я не рассказал тебе всех подробностей нашей тактики… Сейчас в миномет заряжен уже третий снаряд, чтобы и твои товарищи разделили твою судьбу.

Дым рассеялся, и ты неподвижно лежишь на земле. Твои товарищи наблюдают за всем издалека. Ты стал очередной жертвой, попавшейся на этот крючок, а мне осталось дожидаться твоих сослуживцев, чтобы израсходовать на них третье и последнее «орлиное перо».

И снова еще одна секунда

Вот последняя секунда нашей с тобой дружбы. О чем ты думаешь в это последнее мгновение своей жизни? Ты можешь представить себе, что я думаю во время выстрела одного снаряда, всего лишь одного снаряда? Я размышляю, откуда ты родом? Кто сейчас думает о тебе? И это мне приходится делать каждый день – размышлять о каждом из вас, когда вы проходите по этой дороге. А задумывался ли ты хотя бы на мгновение о моей матери, перед тем как выпускать тысячи своих снарядов? Почему же вы так болезненно относитесь к выстрелам этих трех? Сопоставьте эти три снаряда, выпущенные с глубокими рассуждениями, с тысячами снарядов, выстреленных необдуманно. Если бы вы их не выпустили, никогда бы не было тех трех снарядов. Мой взгляд прикован к месту взрыва. Ты оказался в объективе подзорной трубы, и в эту долю секунды… Что случилось? Почему ты пригнулся к земле? На что ты смотришь? На неразорвавшийся снаряд? Так он опять не разорвался! Сейчас даю тебе пять секунд, чтобы ты вскочил с места и дал деру, а то я опять нажму кнопку рации, чтобы тебя накрыло третьим снарядом.

Я нажал хронометр… Раз, два, три, четыре… Беги быстрее! Слава Богу! Шевели мозгами! Я сказал это не ради того, чтобы ты убежал быстрее своего назначенного срока. Моему третьему снаряду нужно семнадцать секунд, и если ты убежишь позже, возможно, после твоего бегства он ударит в пустое место… Сейчас, обливаясь потом, ты побежишь к своим товарищам… без рюкзака, который так и остался лежать на земле. Теперь ты видел смерть собственными глазами. Сегодня вечером, когда ты будешь нажимать на курок, подумаешь ли ты о матерях солдат на нашем берегу реки? Разумеется… Значит, ты прекрасно понял, что тебе хотели сказать. Дрожа от страха смерти, ты поведаешь обо всем своим товарищам… Ты сработаешь, как снаряд, начиненный листовками, которые опять через несколько дней полетят на ваши головы. и, возможно, опасаясь за свою жизнь, ты возьмешь одну из этих охранных грамот. Как бы там ни было, я опять буду ждать, чтобы у дороги… кто-нибудь высадился… быть может, через пару дней… опять ты, мой друг…

Самолет

Быть может, вам неприятно то, что является благом для вас.
Аллах знает, а вы не знаете.
(Коран, сура «Корова», аят 216)

Чудеса, да и только. Я совсем ничего не знал. Ты сам видел, как его увезли на скорой помощи?.. Конечно же, я был с ним знаком. Это было много лет тому назад. Но я видел его совсем недавно. Иногда странные мысли в голову приходят. Ай да детство. Ничего. Отстань. Хватит упрямиться. Тебе делать, что ли, нечего? Хочешь время убить? Нет, отстань. Ладно, приятель, расскажу, хорошо.

Это было много лет тому назад. Все началось еще тогда, когда мы были детьми. Да, детьми. В детстве мы очень любили играть, очень. Всякий раз, когда мой отец ездил в Арабские Эмираты, он привозил мне… не знаю… например, разные там игрушечные пушки, ружья, танки, машинки – одним словом, много разного, всего и не упомнишь. Ночью, когда отец возвращался из поездки, он тихонько заходил ко мне и клал на подушку все свои подарки. Даже, может, и целовал меня. Но я ничего этого не понимал, то есть, не знаю, да не смейся ты. Одним словом, как-то раз, когда отец опять уехал, я заглянул в тот самый универмаг с огромными витринами, забитыми иностранными товарами. Их каждый день привозили из Кувейта такие же люди, как и мой папа, и выгружали на пристани. Духи, одеколоны, джинсы Lee, ботинки Clarks, футболки Easy и столько игрушек, сколько не было даже у сына нашего соседа хаджи[6]. Столько там было самых разных игрушек – и девчачьих, и мальчишеских! Да ладно бы с девчачьими, для мальчишек было все что угодно, да и не только в витрине одного магазина, а наверное, семи или восьми. Но черт бы побрал ту игрушку, от которых столько несчастья. Однако когда я увидел ее впервые, то просто ошалел. Мне кажется, у меня при этом был такой вид, что толстый хозяин магазина сердито подошел ко мне и сказал: «Мальчик, уходи-ка отсюда». Я испугался и пошел дальше, но даже вечером, когда мать постелила мне постель на плоской крыше дома[7], мне казалось, что я вижу ее в небе. Я хорошо помню, как изображал рукой летящий в воздухе самолет, и шум нашего огромного нефтеперерабатывающего завода сливался с жужжанием игрушечных моторчиков. Я опускал вниз кончики пальцев, и мой самолет несся к земле, издавая при этом характерный звук, а когда он поднимался вверх, звук был уже совершенно другим. Всякий раз перед сном я мечтал лишь о том, чтобы на этот раз отец привез мне самолет. С того момента я каждый день, возвращаясь из школы, сворачивал в сторону, заходил в универмаг и рассматривал тот самый самолет, подвешенный к потолку витрины. Мысль о том, чтобы поскорей получить эту игрушку, терзала меня все больше.

Ты устал слушать? Ведь сам же упрашивал меня рассказать. Что же теперь?.. Ладно, приятель, ладно. Одним словом, в ту ночь, когда должен был вернуться отец, я умолял Бога, чтобы он привез мне точно такой же самолет, какой я видел в витрине магазина игрушек. Однако что, ты думаешь, я увидел на своей подушке, когда проснулся наутро?.. Ну, догадайся. Эх, ты. Ничего. Отец ничего мне не привез! Я, понятное дело, закатил страшную истерику по этому поводу. Тут начался дикий скандал. Мать встала на мою сторону: «Уехал на два месяца, а вернулся с пустыми руками! Он же ребенок!» Раз уж мне придется рассказать тебе все начистоту, должен признаться, что я не только не расстроился, но даже был рад. Я знал характер своих родителей. Одним словом, в тот день я не пошел в школу. Потом отец взял меня за руку, привел в универмаг, и там я показал пальцем в витрине тот самый самолет. Мы зашли в магазин, и

[6] Хаджи – почетное звание мусульманина, который совершил паломничество (хадж) к одной из мусульманских святынь.

[7] Многие дома в Иране имеют плоскую крышу, где, как на открытой веранде, люди часто спят в жаркое время года.

я до сих пор прекрасно помню, как тот противный хозяин со своей лживой улыбочкой ответил на вопрос отца: «Какой самолет, господин? Мне очень жаль. Там же внизу написано, что он не продается». С того дня эта фраза тысячи раз звучала в моей голове: «Какой самолет, господин? Мне очень жаль. Там же внизу написано, что он не продается». Продавец оказался прав. Я действительно не подходил близко к витрине, а иначе обязательно увидел бы эту надпись. Услышав это, отец взял меня за руку и, не сказал ни слова, вышел вместе со мной на улицу.

На обратном пути у дверей универмага я познакомился с Фарханом. Правда, он узнал меня первым, потому что обратился к отцу с такими словами: «Это какой? Младший? Прекрасно! Прекрасно!». Тогда он отлично видел, и той знаменитой собаки у него еще не было. Одним словом, в мире все наоборот. Обычно дети запоминают взрослых, а на этот раз именно Фархан запомнил меня ребенком. По дороге домой отец сказал: «Знаешь, кто такой этот Фархан? Кстати, ты слышал раньше это имя? Нет?». Это напрямую связано со всей историей, да еще как. Отец прямо тогда рассказал мне обо всем с начала до конца.

Оказалось, что, когда я был еще маленьким, Фархан жил на нашей улице с женой и двумя дочерьми. Фархан. как бы это сказать?.. Что ж, упокой Боже его душу, ведь о покойниках плохо не говорят. Ладно, приятель, ладно. Был он первостепенным забулдыгой, всегда во хмелю. Жена и дети прямо-таки не знали, что с ним делать. Правда, никто и никогда не видел его пьяным. Фархан всегда выпивал так, чтобы соседи об этом ничего не узнали. Он никогда не ходил по разным там кафе, чтобы там его не встретил кто-нибудь из знакомых, а укатывал на машине вместе с дружками за город, где они находили укромный уголок или. О Господи! О чем это я? Как-то ночью все соседи спали на крышах своих домов, как вдруг их разбудили грубые крики и страшная ругань: «Нелюди! Такие-сякие!» – и еще целый поток отборной брани. Сам я ничего не помню, потому что был еще совсем младенцем, однако отец рассказывал, что видел, как по улице на осле ехал Фархан и ругал всех на чем свет стоит. В конце концов люди вышли из домов, и жена Фархана не знала, куда деться от стыда за мужа. А из-за чего Фархан так разошелся? Да просто так. Он ведь отправился с дружками выпивать, а они почему-то бросили его и отправились по домам. Фархан тоже, будучи сильно пьян, хотел поймать какую-нибудь машину и добраться до дома, но это ему не удалось, а подвернулся лишь этот осел. Одним словом, он взял поводья, забрался на осла и так добрался до своего квартала. Теперь он собирался силой затащить животное через калитку, как вдруг перед ним появилась жена, закутавшаяся в чадру. На ее вопросы Фархан ответил грубо: «Иди, проклятая! Отстань! Эх, друзья! Тоже мне жена! Все вы сволочи! Вот этот осел привез меня сюда! Я хочу оставить его у себя!» Говоря это, он ласкал и целовал несчастное животное. Но всё когда-нибудь заканчивается. Наступило утро, и бедняга Фархан протрезвел. Теперь ему было стыдно смотреть в глаза соседям, и через какое-то время он уехал насовсем.

Обо всем этом мне рассказал отец, чтобы, наверное, я отвлекся и успокоился, но мои мысли были заняты совсем другим. Я думал не о Фархане и его осле, а только о самолете. Одним словом, именно тогда мне пришла в голову эта мысль. Кстати, ты в детстве тоже наверняка желал, например, перед контрольной по математике, чтобы ваш учитель умер или полил такой ливень, что школу пришлось бы закрыть. Думаю, что многие мечтали об этом… Я тоже много размышлял о том, что делать, если что-то не получается купить. Все-таки мне обязательно хотелось заполучить этот самолет, но как можно было это сделать? Днем хозяин магазина смотрел в оба за своим товаром, а вечером Фархан, работавший охранником универмага, запирал на замок оба главных входа. Надо было придумать какой-то иной выход. Да, это кажется глупым, но тогда я думал, что ничего другого мне не остается. Если бы, стоя у витрины магазина, я пристально следил за всем и увидел, что хозяин застыл на месте на минуту, хотя бы на одну минуту, то спокойно зашел бы внутрь, снял самолет и выбежал наружу. Вместе с тем я понимал, что если бы прохожие или, скажем, другие покупатели увидели, что хозяин замер на месте и какой-то мальчишка несется сломя голову, то заподозрили бы неладное и стали

кричать: «Эй! Держите его! Держите!» Тогда бы все было кончено. Или прохожим надо было тоже застыть как вкопанным, но для этого мне пришлось бы еще пристальней за всем следить. Охранник универмага Фархан стоял на своем месте, и когда я добежал бы до него, он тоже должен был застыть. А что бы я делал на улице? Если бы там люди увидели, что в универмаге все будто окаменели, то и они обязательно попытались бы разузнать, в чем дело. Поэтому пришлось бы сделать так, чтобы все прохожие, водители и мотоциклисты тоже замерли на своих местах, так что я бы пробрался через них и добежал до нашей улицы. Уже дома, где, как мы думаем, нас уже никто не побеспокоит, все члены семьи тоже были бы чем-то отвлечены, а я бы припрятал самолет в надежное место, и всё, как и прежде, пошло бы своим чередом. Я даже подумал о птицах. Если бы они не застыли на месте и по своему обыкновению продолжали взмахивать крыльями, наверное, один из этих людей перед тем, как замереть, любовался бы ими. Когда же он опомнился бы, то сразу бы увидел, что птицы исчезли, и тогда что-то бы заподозрил. Но нет, должен признаться, что в ту минуту я ошибался. Люди настолько рассеянны, что если застынут на месте не только на час, но и на год, все равно будут говорить себе: «Вот опять задумались и не заметили, как прошло время».

Приятель, я вижу, ты утомился, забудь. Какая теперь разница: удалось ли мне заполучить тот самолет или нет?.. Короче говоря, с той поры много воды утекло. Произошла революция[8], и отец перестал ездить в Кувейт, чтобы привозить мне игрушки. Да и я уже не думал об этом, и вот несколько лет тому назад, уже во время войны[9], мне случилось пройти по улице, на которой расположен универмаг. Она проходила прямо у берега… Я шел в штаб, как вдруг… Вот мы попали. Пойдут теперь толки. Человек-то жив. Я помню, что обещал рассказать всю правду. Значит, не буду называть его имени. Он был за рулем и остановился рядом со мной и приветливо предложил подвезти, но я извинился и побежал бы по дороге, как вдруг заметил Фархана, который вместе со своей собакой сидел на солнце, развалившись у дверей универмага. Я сказал, что мне нужно зайти в универмаг, и, зная, что пара глаз внимательно следит за мной, зашел внутрь и скрылся в тени. Ни Фархан, ни его собака – никто не обратил на меня никакого внимания. Это была удивительная собака. Если бы мы смогли ее найти, здесь она бы нам сильно пригодилась. Знаешь, что это за псина?.. Что ты вообще знаешь? Разве ты не из этого города?! Слушай, эту собаку привез сюда итальянский цирк, который приезжал к нам еще до революции. Представь себе, что этих собак посадили на цепи в больших цирковых шатрах между клетками с животными. Это были страшные волкодавы. Стоило им посмотреть в глаза человеку, как у того от страха душа уходила в пятки. Одним словом, этих собак привезли к нам для того, чтобы никто не посмел что-нибудь украсть из цирка. Однако, когда цирк уехал, оказалось, что кто-то украл одну такую собаку. Короче говоря, это была она самая.

Когда я зашел в универмаг, увидел, что все стекла разбиты и в витринах их уже нет. Но товаров была куча. Я смотрел, смотрел и вдруг заметил самолет. Именно тогда я сам замер и подумал: «Вот видишь? Ты хотел, чтобы все вокруг застыли на месте, но сейчас никого поблизости нет: ни хозяина, ни прохожих, ни водителей с мотоциклистами». Дело в том, что с началом войны все сбежали. «Парень, ты чего застыл? – спросил я у самого себя. – Теперь остались только ты, эта разбитая витрина и тот самый самолет, который много лет гордо наблюдает со своей высоты за тобой и такими, как ты…» Но потом я заметил Фархана, который, как я знал, из-за одного происшествия в дни революции наполовину ослеп. Приятель, я и об этом расскажу, отстань. Который час?.. Почему нас не сменяют?..

Эта история с ослом так и не пошла несчастному впрок. После революции со всякой этой гадкой выпивкой стало сложнее. Как-то раз два приятеля спрашивают у него:

---

[8] Имеется в виду Исламская революция в Иране в 1979 г., которая положила конец монархии и установила республиканский строй.

[9] Речь идет об Ирано-иракской войне 1980–1988 гг.

– Ты что-нибудь достал?

Он отвечает им напрямую:

– Ничего. Есть только одна бутылка. Толком не знаю, что это. Вы не пейте. Боюсь, мало ли что.

А те хитро говорят:

– Мы пили вместе в радости, так выпьем и в горе. Если что случится, так пусть со всеми нами.

Короче говоря, один из этих удальцов отдал Богу душу прямо за кинотеатром «Тадж», а другой – уже в больнице. А бедолага Фархан с тех пор от проклятой выпивки почти лишился зрения. Главный владелец универмага хотел выгнать его, но хозяева магазинов были против. То есть как? Разве наполовину слепой может быть охранником? Конечно же, его просто любили.

Я подошел к витрине и уставился на кабину самолета и сидевших в ней двух маленьких пилотов. Если раньше я был меньше ростом и не мог дотянуться дотуда, то сейчас стоял точно напротив них. На плече у меня висел автомат. Можешь поверить, что в тот момент я почувствовал, как пилоты словно бы умоляют меня. Ну, ладно, не верь. Не буду рассказывать. Будешь у меня знать. Ничего тебе больше не скажу. Паразит, я же с самого начала обещал тебе рассказать чистую правду. Я сказал, что мне показалось. Так вот. Снял я его с витрины и сказал: «Сейчас, наверное, у тебя сердце бьется, как у птахи. Сколько лет ты со своей высоты гордо поглядывал на меня и таких, как я, не понимая, что однажды придет и наш черед». Неожиданно кто-то потянул меня за рукав. Обернувшись, я увидел, что это собака Фархана. Послушно, как обычный вор, пойманный на месте преступления, я пошел за ней к Фархану. Когда мы подошли к нему, он даже не шелохнулся и продолжал, вытянувшись, лежать на солнце. Я легонько толкнул его ногой:

– Фархан.

– А? А? Кто это? – спросил он.

– Вставай, вставай. Здесь тебя подстрелят. Ты погибнешь, – сказал я, чтобы сменить тему.

– Иди к черту! – ответил он вяло.

– К черту так к черту.

После этого я пошел своей дорогой. Кстати, почему сегодня вечером они так притихли?.. Который час? Что-то этих ребят совсем не видно…

Короче говоря, после этого я сколько-то не видел Фархана. Только во время операции в Халабдже[10] я вновь почему-то вспомнил о нем и витрине магазина игрушек. Спустившись вниз с горы, мы увидели иракские самолеты, прилетевшие бомбить Халабджу. Лишь я один совершенно не понимал, что происходит. Весь город заволокло белым дымом. Потом я услышал, как все кричат: «Наденьте маски! Наденьте маски! Маски! Химатака!» Когда мы вошли в город, то самым первым я увидел – о Господи! – какого-то мужчину, который вместе с ребенком тихо лежал на земле. Я подошел поближе, чтобы посмотреть, не нужна ли помощь, и заметил, что тела обоих еще теплые, но оказалось, что им уже никто не поможет. Никаких следов на телах не было. Только в уголках губ застыла капля крови. Подходя к другим, я видел то же самое. Какая-то женщина опиралась на калитку, и ее глаза были открыты, но в уголке губ виднелась все та же капля крови. Водители, сидевшие в машинах, врезавшихся в постройки, тоже замерли на своих местах с окровавленными губами. На улицах и переулках было полно. полно людей, которые точно так же лежали без движения. Один вздох и выдох. и цианид разрушил все их легочные альвеолы. а с уголка губ стекла всего лишь одна капелька крови. Количество людей вообще невозможно было сосчитать. Никто из наших солдат не мог опомниться. Все только смотрели, шли мимо, но не говорили ни слова. В городе не осталось ни одной живой души,

[10] Халабджа – город в Иракском Курдистане, в 15 км от границы с Ираном. 16–17 марта 1988 г. подвергся химической атаке со стороны иракской армии.

чтобы поговорить с нами. Я посмотрел на дерево и увидел на нем воробьиное гнездо. Птаха погибла от цианида, так и оставшись высиживать яйца. Бомба с отравляющим газом сделала свое дело за несколько секунд. Один вздох и выдох – и немедленная смерть всего живого. Впервые за всю войну меня охватило какое-то странное чувство. Проходя мимо базара, я еще больше опешил. Там за прилавком магазина игрушек на стуле сидел продавец. Его глаза были открыты, и он словно бы смотрел вокруг. Ошарашенному этой картиной, мне в голову вдруг пришла странная мысль: а вдруг какой-нибудь курдский мальчик в этом городе захотел, чтобы на мгновение, хотя бы на одно мгновение, все эти люди зачем-то замерли на месте?.. Не смейся. Мне тогда было совсем не до смеха. В городе никого не осталось в живых. Ни одного ребенка, который бы достиг своей мечты, даже если молился об этом.

Когда мы покинули город, мне стало совсем нехорошо. Я был в шоке и ненавидел себя, тех, кто устроил бомбежку, всякие там самолеты и людей, застывших на месте. На душе было тошно. Вернувшись из Халабджи в свой город, я еще издали свернул от универмага и пошел другой дорогой, однако было видно, что его двери заперты. Универмаг тоже стал вызывать у меня отвращение, пока однажды вечером я не прошелся по нашему кварталу во время призыва на молитву. Я сидел дома и смотрел на безлюдную улицу. Большинство домов на ней было разрушено, и я все время вспоминал, что еще до войны мы с ребятами играли здесь в футбол. Куда же вы все подевались, куда? Вот дом, в котором жил сын нашего соседа хаджи. А этот дом чей? Забыл. Ага, Надера и его семьи. Где они теперь? Из квартальной мечети донесся призыв на молитву. Я подумал: «Где же ребята? Пойти бы в мечеть вместе». Там служитель Мулла Ахмад опять бы пошел за нами, ворча: «Помойте сначала свои грязные ноги, а потом заходите в мечеть». Размышляя об этом, я вдруг заметил горбатого старика в белой рубашке и пижаме в клетку. Он шел издалека, опираясь на посох, и по пути что-то им ощупывал. Тротуар был усеян осколками разорвавшихся минометных снарядов. Как только старик касался посохом осколка снаряда или его большой части, то спокойно обходил его. Когда он приблизился, я узнал в нем Фархана. Поднявшись, я вышел к нему навстречу. Он продолжал идти и, не дойдя до меня, снова натолкнулся на осколок, обошел его. Затем он обошел стороной и меня и, не подавая вида, направился к мечети. Вот, наконец, и несчастный Фархан. «Господи, – подумал я, – если всё дело во мне, то не нужен мне был никакой самолет. Лучше верни всех обратно: ребят, мою маму и отца, да и хозяина магазина…» Смейся. Ладно, смейся. Ты тоже меня сегодня порядком измотал на посту. Тихо. Какой-то шум. Кто идет?.. Стой!.. Пароль. Здорово. Почему так поздно? Теперь всегда будете опаздывать на полчаса? Полный порядок. Все спокойно. Сегодня вся суматоха напротив острова. А здесь те ручные все спят. Счастливо. Пошли, пост сдали. Ага, что было потом?.. Да ничего. Фархан помер, когда начался весь этот переполох – война и бомбежки. Много. Во всех этих стычках человек должен и своей смертью умирать. Одним словом, упокой Бог его душу. Что стало с его собакой?.. Если она найдется, то станет отличным сторожем. На ночь будем привязывать ее рядом с нашим окопом. Пусть охраняет вместо всех нас. Что?.. Правду тебе сказать?.. Взял я все-таки тот самолет или нет?.. Ты очумел, что ли? Да если бы и взял, то тебе бы не сказал. Или как ты думаешь?!

Зонт для кинорежиссера

– Прости! Я был неправ! – Пророк промолвил.
– Узнал я – правил нет богослуженью!
Бог мне открыл, явившись в блеске молний.
Молись свободно, слышит Он моленье![11]

Джамшид! Джамшид! Где же ты? Смотри, в конце концов твое проклятие сбылось. Да, да, сбылось. Я ведь взял зонт и держал его над головой одного из твоих коллег, хотя надо было держать над тобой. Ты помнишь, как проклял меня? А я тогда громко рассмеялся: мол, ну да, мечтать не вредно – а получилось, что ты прямо как в воду глядел.

Джамшид! Ты помнишь, как появился у нас? Нам сказали:

– Получите, распишитесь. Вот вам еще один человек для наблюдения.

А ты засмеялся, как всегда, и произнес:

– Здравствуйте. Меня зовут Джамшид Махмуди.

Мы с Амиром переглянулись и ответили на твое приветствие. Потом два месяца ты проходил учебную подготовку на вспомогательной вышке, но даже не думал заниматься наблюдением. Пока я что-то говорил, ты складывал из больших и указательных пальцев прямоугольник, изображая видоискатель видеокамеры, и через него смотрел на меня и на всё вокруг. Забыв об учебе, ты все время повторял:

– Когда же мы пойдем на главную вышку?

Раздосадованный твоей халатностью, я отвечал:

– Хватит все время говорить об этой вышке. Когда наступит тот день и мы пойдем на главную вышку, я сброшу тебя с нее, если ты не сможешь правильно ответить на заданные тебе вопросы.

Учеба закончилась, и мы отправились на экзамен на главную вышку. Ты поднялся по ступенькам на 87 метров и, задыхаясь, подошел ко мне. Посмотрев через бинокль на пустыню, расположенную на противоположном берегу реки, ты сказал:

– Ну и перспектива.

Я показал тебе вдалеке танк противника, до которого было по меньшей мере десять километров, а потом решил проверить, насколько правильно ты научился определять расстояние.

– Итак, Джамшид. Ты ведь помнишь формулу определения расстояния по угловой величине. Посмотри в бинокль и скажи, на каком расстоянии находится вон тот танк.

Ты посмотрел и рассмеялся. Я подумал, что ты займешься расчетами, но у тебя и в мыслях такого не было. Прошло некоторое время, и я уже начал проявлять нетерпение, а ты опять засмеялся и сказал:

– Три метра.

Я очень разозлился, что два месяца твоего обучения прошли напрасно, и сухо ответил:

– Снимай ботинки.

– Зачем? – спросил ты.

– Ты же говоришь, что три метра. Значит, снаряды не нужны. Кинешь ботинком – долетит. Приятель, мы сами на высоте по меньшей мере 87 метров. А ты говоришь, до вражеского танка три метра?

Ты тогда снова рассмеялся и заглянул в будку.

---

[11] Персидский поэт и мистик Джалал ад-Дин Мухаммад Руми (1207–1273), «Поэма о скрытом смысле», притча «Моисей и пастух».

– Здесь плохое освещение, – сказал ты. – Если снимать окрестности отсюда, придется работать в узком диапазоне.

Я застыл в изумлении, не зная, что тебе ответить. Потом под разными предлогами ты водил за нос меня и Амира, чтобы остаться на вышке, а мы и не догадывались, что ты задумал!

Ты ведь помнишь тот случай, когда мы на мотоцикле поехали в город и услышали залпы орудий противника. Тогда мы прибавили газу и поехали на звук взрыва, раздавшийся со стороны пальмовой рощи и стоявшего там глинобитного дома, из которого валил дым. Деревянная дверь дома была вся разворочена, повсюду валялись щепки. Во внутреннем дворе мы нашли труп арабской женщины и пяти малолетних детей. Ты отчаянно разрыдался. Я поднялся, посмотрел на воронку, оставшуюся от взрыва снаряда, и сказал: «Джамшид, это тот самый проклятый снаряд сто пятьдесят второго калибра». Ты стоял около дома и вдруг увидел девочку, которая, не в силах вымолвить ни слова, бежала по пальмовой роще. Когда ты поймал ее, она от шока лишилась чувств прямо у тебя на руках и уже не видела, как приехала скорая помощь и увезла тела ее матери, братьев и сестер.

Тем вечером мы разрабатывали в штабе план и обнаружили место дислокации вражеской артиллерии. Тогда ты сказал:

– Если уничтожить эти пушки, мы станем для города Бэтменом и Робином.

Я разозлился и обругал тебя:

– Вот шут гороховый. Всё где-то в облаках витаешь. В городе один за другим гибнут люди, а ты болтаешь о своих детских мультиках.

Ты впервые не засмеялся и обиженно сел где-то в сторонке.

Наутро мы ударили по вражеской артиллерии из старого миномета, зарядив его снарядами, которые до этого похитили у вражеской армии. Тогда ты обрадовался, как ребенок, и закричал: «Вот так сценарий! Робин Гуд на войне! После войны обязательно сниму про это фильм!» Только тогда ты позабыл о нашей ссоре накануне вечером.

Джамшид! Джамшид! Джамшид! Ты помнишь, как настойчиво отправлял нас с Амиром на побывку? Когда мы вернулись и открыли дверь нашего маленького штабного помещения, то увидели, что ты развесил по стенам куски кинопленки, сложил две деревянные самодельные катушки и еще какой-то хлам и назвал все это монтажным столом. Мы начали громко возмущаться, а ты ответил: «Я учусь монтировать по способу Эйзенштейна[12]». После этого ты два дня никого не пускал внутрь. Затем ты позаимствовал агитационный проектор и показал нам фильм. Неужели это и вправду был новый монтаж мультфильма «Том и Джерри»? Какая ерунда! Все перемешалось. Джерри смотрел на Тома, а потом изображение исчезало, затем мышонок смотрел на пса, а ты в этот момент говорил:

– Посмотрите, как присутствие собаки изменяет напряженность этой сцены.

Мы все смеялись над тобой и подшучивали. Тогда ты обиделся, выключил аппарат и сердито заявил:

– Вы меня не понимаете.

– Ты тоже не понимаешь, какая сейчас обстановка в городе, – ответили мы.

Джамшид! Джамшид! Джамшид! Ты помнишь, как я пришел наставлять тебя на путь истинный?

– Я сходил и взял у Хадж Дехнави статистику убитых за этот месяц в городе, – сказал я тебе. – По его словам, среди гражданских убито и ранено около 180 человек.

Не сходя с места, я благодарил Бога, ведь за прошлый месяц мы потеряли более 250 человек.

– Ты бы оставил свои фантазии и смотрел получше, когда поднимаешься на вышку, – продолжал я. – Тогда вместо всякой там «перспективы» и «диапазона» ты обнаружишь и уни-

[12] Сергей Михайлович Эйзенштейн (1898–1948) – советский режиссер театра и кино.

чтожишь один за другим все вражеские минометы и артиллерию. А раз так, то статистика потерь среди городского населения будет еще меньше, чем 180 человек в месяц. К тому же после войны, если будет на то Божья воля, сможешь написать сценарий для целой сотни фильмов.

– Хорошо, – ответил ты.

В конце ты поставил условие, чтобы мы не мешали тебе, после чего я поцеловал тебя в лоб и ушел.

Затем ты опять заперся ото всех в маленькой комнате на целых три вечера. Когда же дверь наконец открылась, мы узнали, что ты написал новый сценарий под названием «Взрыв на иракской земле». В нем рассказывалось об иранском ополченце, который регулярно отправлялся на вражескую территорию и уничтожал там артиллерию, стрелявшую по его городу. Фильм еще не был снят, а ты уже составил список съемочной группы: режиссер – Джамшид Махмуди, сценарист – Джамшид Махмуди, в главной роли – Джамшид, монтажер, звукооператор, создатель спецэффектов, музыкальный редактор – Джамшид Махмуди. Мы с ребятами условились ничего не говорить по этому поводу и промолчали.

Однако со временем о твоих занятиях узнали и другие. В тот день к нам приехал полицейский и сообщил, что какой-то человек собирается в одиночку ограбить единственный банк в нашем городе, где шли боевые действия. Когда мы пошли с ним, то увидели, что тебя заковали в наручники. Директор банка, быстрыми движениями руки вытирая платком пот со лба, рассказывал, что ты пришел к нему и попросил разрешения снять в помещении банка фильм об ограблении. Директор, конечно же, заподозрил неладное. Какой разумный человек попросил бы об этом на фоне постоянных взрывов и перестрелок? А пока он рассказывал все это, ты, по-прежнему оставаясь в наручниках, сложил большие пальцы с указательными, сделав свой импровизированный объектив видеокамеры, и смеялся над всеми нами!

После той истории прошло какое-то время, и с твоим указательным пальцем на левой руке случилась беда. Ты же помнишь об этом. Мы пошли собирать неразорвавшиеся вражеские снаряды, упавшие на город. Ты играл с трубой одного из них, как вдруг в ней сработал детонатор, и тебе напрочь оторвало две фаланги указательного пальца.

Лежа на больничной койке, ты опять смеялся и продолжал делать вид, что снимаешь кино при помощи своего забинтованного пальца. «Как жаль, что теперь не получается стандартный кадр», – говорил ты.

Затем, когда повязку сняли, мы поняли, что ты действительно говорил правду и твой прежний ровный прямоугольник импровизированной видеокамеры никогда больше не получится.

Джамшид! Джамшид! Джамшид! Ты помнишь, на чьи деньги ты снял свой первый фильм? Грустный и подавленный, ты взял у меня денег, чтобы заснять на пленку наших ребят, пока они еще живы. Потом ты ушел и снял на камеру подрыв дерева. Когда фильм был готов, я отобрал его у тебя.

– Позволь мне хоть разок взглянуть на него, – попросил ты.

Но, несмотря на твои мольбы, я отказался. Тогда, именно тогда ты проклял меня. Ты помнишь, что сказал мне?

– Однажды дождливым вечером, – пророчествовал ты, – когда я, Джамшид Махмуди, уже стану знаменитым режиссером, охранник на студии подойдет ко мне и скажет, мол, знаменитый режиссер господин Махмуди, там под дождем какой-то бедолага в лохмотьях, он с утра дожидается вас и все время порывается зайти внутрь. А я отвечу: нет, у меня нет времени. Дождь будет продолжать бить в стекло. Тот человек скажет, что он мой фронтовой товарищ, и тогда я все-таки позволю ему войти. Затем я увижу тебя в рваной изношенной одежде, промокшего до нитки. Ты будешь просить прощения за свои теперешние поступки и умолять, чтобы я устроил тебя на работу. Я как человек великодушный пожалею своего фронтового товарища

и велю тебе приходить завтра. В любую погоду, при дожде или при ярком солнце, ты будешь держать зонт надо мной, знаменитейшим режиссером Джамшидом Махмуди. И тебе не найти более почетного занятия, чем быть моим личным держателем зонта.

Что же я тогда ответил? А, я ответил:

– Мечтать не вредно.

Сказав это, я ушел.

– Вернись, – услышал я.

Я повернулся и увидел, что ты, сложив из пальцев, в том числе покалеченного, свою импровизированную камеру, взял меня в кадр и, как всегда, смеешься.

Потом в твоей дозорной службе произошло самое знаменательное событие. Однажды ты собрал свои вещи и заявил, что уже освоил все навыки дозорного и теперь собираешься отправиться на противоположную сторону города, где, построив себе специальный наблюдательный пункт, будешь вести оборону. Мы, как и прежде, промолчали.

В скором времени Амир всё увидел с вышки. Он посадил меня на мотоцикл, и мы приехали к новому штабу. Там ты уже успел пустить в дело разные погрузчики и бульдозеры Организации созидательного джихада[13] и под непрекращающимся лобовым обстрелом неприятеля возвел за своей передовой огромную насыпь высотой пятнадцать метров. Увидев тебя, Амир вскрикнул от удивления и спросил:

– Что это? Наблюдательный пункт или гробница фараона?

И действительно, по твоему приказу катки Организации так укатали четыре плоскости холма, что он стал больше похож на три великие пирамиды в египетской Гизе. Ты рассмеялся. Тогда Амир схватил тебя за воротник и закричал:

– Зачем ты построил этот холм?!

– Чтобы вести наблюдение, – улыбаясь, ответил ты.

– Какой идиот будет строить наблюдательный пункт – да еще в форме пирамиды – в шестистах метрах от противника, чтобы его потом обстреливали из пистолета?! – грубо воскликнул Амир.

В ответ на эту гневную речь, немало удивившую водителей погрузчиков и бульдозеров, которые круглые сутки возводили для тебя этот холм под сильным огнем неприятеля, ты заявил:

– Это холм в стиле авангарда.

Сказав это, ты рассмеялся. Помнишь, что я потом сказал тебе?

– Ну и холм, – сказал я. – У него такая странная форма, что ни иракцы, ни мы, ни сам его строитель – никто не знает, для чего он нужен.

– Этот холм – просто холм, – ответил ты.

– Наверное, завтра прославленный режиссер Джамшид Махмуди снимет фильм, который никто не поймет. Тогда он скажет, что это искусство ради искусства, – съязвил Амир.

После этих слов мы оставили тебя в покое и ушли. Не прошло и трех дней, как прямой огонь иракских танков наполовину укоротил твою пирамиду, и оказалось, что от всех твоих усилий польза была лишь в том, что две или три недели неприятель сосредоточивал свое внимание только на этом странном холме и уже не тратил снаряды на обстрел города. Тогда мы поняли, что в тот день, Джамшид, надо было ударить тебя по голове!

После этого ты уехал на побывку и не возвращался два месяца. Мы уже успели позабыть о том, что у нас есть третий дозорный по имени Джамшид Махмуди, который должен приехать,

---

[13] Организация созидательного джихада была создана по приказу лидера Исламской революции имама Хомейни в 1979 г. для благоустройства отдаленных областей страны. Позднее ее объединили с существующим сегодня в Иране Министерством сельскохозяйственного джихада.

чтобы защищать наш город. Наконец, ты вернулся, да еще с паспортом. «Всё, хватит, – сказал ты. – Я хочу поехать в Германию, чтобы там работать, а по вечерам изучать режиссуру».

Как же ты был рад этому. Оставаясь верным своим словам, ты продолжал мечтать о дождливом вечере, собственной студии, работе режиссера и, конечно же, зонте. Но в нынешней ситуации я был категорически против твоего отъезда. Ты сказал, что хочешь в свой последний вечер отправиться на передовую, где на острове сражались наши солдаты. Я не верил, что ты действительно навсегда уходишь от нас, но все же напоследок обнял тебя.

Сейчас, включая в проекторе тот короткометражный фильм, я понимаю, что тебе не нужно было ехать в Германию, потому что это единственная в мире кинолента о войне, которая так глубоко запала мне в душу. В начале фильма тебя не видно, ведь ты держишь камеру. Вот Амир, Абдолла и Мохаммад выходят из машины и указывают на дерево, которое своими ветками и листьями мешает нашей стрельбе и поэтому его необходимо взорвать. Потом картина прерывается. Нет, это не монтаж в стиле Эйзенштейна. Это нужно для экономии ленты. Вот под дерево положили взрывчатку, и Абдулла теперь протягивает провод. Взрыв – и в воздух поднимается легкий дымок, как будто от шашлыка. Все смеются, потом фильм опять прерывается. В следующем кадре Амир снова подкладывает взрывчатку под дерево, уже в несколько раз больше. Абдолла стоит еще дальше, чтобы потянуть проволоку после того, как Амир отбежит. Но Абдолла убегает раньше, и Амир задерживается. Происходит взрыв, и весь кадр заполняет дым и поднявшаяся пыль, поэтому ничего не разглядеть. В надежде на то, что падение дерева удастся снять после того, как рассеется дым, ты продолжаешь снимать все на камеру. Наконец, дым рассеивается, но дерево все так же стоит на месте. Картина обрывается. Это делается уже не для эстетики и экономии пленки. Просто ты передал камеру кому-то другому и теперь сам хочешь появиться в кадре. Вот съемка началась опять, и ты, чеканя шаг, заходишь справа в кадр, словно главный герой своих любимых фильмов. Затем ты указываешь своим покалеченным пальцем под дерево, и Амир с Абдоллой, жестикулируя, смеются над тобой. После этого вы все трое убегаете, и происходит еще более мощный взрыв. Опять пауза – и вот началась уже новая съемка. Все сидят в машине и смеются, а камера поворачивается из стороны в сторону и, наконец, останавливается на дереве, которое как ни в чем не бывало всё так же стоит на своем прежнем месте. Все уходят, а ты до последней минуты остаешься с камерой в руках. Потом всё становится белым, и остается лишь свет проектора на стене и щелчки крутящегося кончика кинопленки. Так я стал единственным зрителем трехминутного фильма прославленного кинорежиссера Джамшида Махмуди, фильма, который не купит ни один кинотеатр в мире.

Джамшид! Джамшид! Джамшид! В тот последний вечер накануне твоего планируемого отъезда нам с Амиром сообщили о случившемся. Мы приехали на мотоцикле и увидели тебя, вернувшегося с передовой на острове Мину[14]. На твоем теле не было видно никаких следов от взрыва – только вмятина на затылке. Содержимое твоего черепа осталось на острове. Нам сказали, что это серое вещество со всеми твоими мечтами стать кинорежиссером, писать сценарии, разрабатывать сюжеты, делать монтаж по методу Эйзентшейна и с пирамидой в стиле авангарда – все это осталось на пальмах с оторванными верхушками, и его уже невозможно было собрать. Я посмотрел на твое лицо, на котором застыла улыбка, а потом взял твои еще теплые руки, сложил пальцы в виде объектива камеры и поцеловал все четыре.

Сегодня утром на сцене, где показывали фильм Ибрагима о войне, пошел дождь. Все убежали от ливня, укрывшись в небольших павильонах. Мы остались одни, и Ибрагим раскрыл над нами зонт. Я взял этот зонт из его рук и стал держать только над его головой.

– Зачем? Ты промокнешь, – сказал Ибрагим.

– Нет, – ответил я. – Проклятие неизвестного погибшего кинорежиссера Джамшида Махмуди обязательно должно исполниться.

---

[14] Остров в месте слияния рек Арвандруд и Бахманшир.

Затем я оставил всю эту суету и ушел в дальний уголок пальмовой рощи. Будучи уверенным, что со своей высоты ты, как и прежде, снимаешь на свою импровизированную камеру из сложенных пальцев нас и весь мир вокруг, я снова разрыдался навзрыд, вспоминая о режиссере, который так никогда и не увидел ни свой первый, ни последний фильм, и о том, что ни один кинотеатр в мире не сочтет за честь показывать его шедевры.

Тридцать девять плюс один

Ведь эта страсть подобна путам,
а вы словно пленники…[15]

Старик водитель нажал на кнопку, и дверь автобуса медленно захлопнулась.

Все сиденья были заняты, поэтому мне пришлось усадить остальных на пол, после чего сам я сел на сиденье рядом с водителем.

– Парень, мы едем? – спросил он.

Это была третья фраза, которую мне довелось от него услышать. Говорил он с явным тегеранским акцентом.

– Ну, с Богом! Поехали, – ответил я.

Я рукой поправил зеркало, но вдруг в салоне автобуса погас свет.

– Отец, включил бы ты освещение. – начал было я.

Но старик быстро перебил меня:

– Нет, приятель. Вечером в этом районе опасно.

Я наклонился и тихонько сказал ему на ухо:

– Здесь внутри опаснее, чем снаружи. Этих пленников надо довезти до комендатуры. Только там мы сможем взять в подмогу нескольких ребят. А пока есть только я, ты и этот автомат с сорока патронами. Так что сам думай!

Водитель тут же включил свет. Было ясно, что прежде ему не доводилось перевозить пленных за линией фронта. Мне, правда, тоже не случалось этого делать раньше, поэтому я решительно взвел затвор автомата АК-47. Раздавшийся звук оказался страшнее, чем я ожидал. Я быстро взглянул в зеркало – люди должны были быстро догадаться, что это за звук. Этот автомат, похожий на те, что были у них на вооружении, мне достался вчера вечером. Это был русский «калашников». Звук взвода автомата произвел на этих людей, каждую секунду ожидавших какой-то беды, такое же впечатление, как полязгивание двух забойных ножей на овец, которым вот-вот должны отрезать голову. Пока мы не доехали до комендатуры и не взяли там на подмогу еще нескольких наших солдат, больше всего на свете мне нужно было держать этих людей в страхе. Теперь, когда они были напуганы, все сидели с завязанными глазами, повернув головы в мою сторону, и я, быть может, неосознанно наслаждался их страхом.

[15] Джалал ад-Дин Мухаммад Руми. «Диван Шамса Тебрези».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.